

Язык и диалект Относительно статуса русинских говоров в Венгрии

ГЕРГЕЙ БЕНЕДЕК

BENEDEK Gergely, Miskolc, Aulich Lajos u. 11., H-3529

Abstract: The paper examines the Rusyn dialect spoken in the village of Komlóska and the surrounding region in Hungary. The ancestors of this Unitarian population moved to this area from the Counties of Sáros and Zemplén (present-day north-east Slovakia) and the northern part of the Carpathian territory (the historical Galicia) in the 17th century. This dialect shows a large number of common properties with the Subcarpathian East Slavic dialect and the Ukrainian language. Rusyns living in a Slovak as well as Hungarian ethnic and linguistic environment have been isolated from the Ukrainian lands for nearly a thousand years. As a consequence, over the centuries their dialect has obtained some specific features absent from other Slavonic dialects and languages. Literary works and a monthly newspaper in Budapest keep being published in this Rusyn dialect. Inhabitants of Komlóska are taught their mother tongue as an optional subject at school. Therefore, this Rusyn dialect can be considered a “microlanguage” used both in spoken and written form.

Keywords: East Slavic dialectal region, Komlóska, language contact, microlanguage

1. После политическо-экономических переворотов 90-х годов XX в. в Средней и Восточной Европе проходило и проходит возрождение национально-народного самосознания разных этнических групп. Это явилось естественной реакцией на «объединяющие» тенденции политического характера, целью которых было сгладить национальные различия, отодвинуть их на задний план и этим ослабить самобытность собственной культуры, традиций, языка, религии и т. д.

Не случайно, что за последние 10–12 лет в славянском языкознании в Венгрии важное место занимает — наряду другими разысканиями — как раз исследование говоров русинского населения, проживающего, главным образом на северо-востоке страны. Описание островных говоров в венгерской языковой среде ставит целый ряд сложных проблем как практического, так и теоретического, лингвистического и экстралингвистического характера, как например, оценка синхронного состояния языка, насыщенного разнородными по происхождению элементами, что влечет за собой необходимость учета диахронии в синхронии, локализация прародин предков носителей говоров при помощи исторических и языковых данных, перспективы и средства сохранения русинской национальности и ее родного языка с целью предотвращения языковой ассимиляции в венгерском окружении, культивирование среди русинского населения собственной письменности, обучение детей родному языку, выяснение статуса говоров, их отношение к украинскому, словацкому языкам и к русинским диалектам вообще.

Подавляющее большинство жителей русинской национальности (они униатского вероисповедания) сосредоточено главным образом в двух северо-восточных поселениях: Мучонь (около 1500 чел.) и Комлошка (около 400 душ населения). Кроме этого, сотни русин проживают и в других селах или городах, особенно в столице Будапешт. Поразительно, что по поводу переписи населения 2001 г. намного меньше русин признавали себя русинами, чем раньше.

При тщательном разборе говоров сел Мучонь и Комлошка можно заключить, что предки нынешних русин переселились на юг из разных областей словацко-польско-украинской пограничной территории карпатского края. Выводы языкового разбора, вообще, соответствуют историческим данным.

После расселения переселенцев с севера, параллельно с их этническим смешением, говоры разного происхождения на протяжении трех веков сливались и проходили особый путь эволюции, образуя «автономную» языковую формацию, которая значительно отличается от всех близкородственных диалектов. При сравнении с восточнославянскими языками можно установить, что комлошский говор — при наличии многочисленных словацких элементов — имеет восточнославянский характер и стоит близко к юго-западным закарпатским диалектам. Говор села же Мучонь, расположенного на расстоянии около 25 км от города Мишкольца, в основном совпадает с языком бачко-сремских русин. Это объясняется тем, что предки воеводинских русин происходили из мучоньской и прилегающей к ней области (Жирош 5, 11).

Предки русин современной Венгрии на протяжении тысячи лет жили на территории исторической Венгрии (Угрии), постепенно удаляясь географически и по языковой культуре от карпатской прародины. Это проявляется и в их своеобразном языке. Поэтому полностью обоснована констатация, согласно которой «народная, духовная и материальная культура, мышление и язык русин карпатского бассейна заметно отличаются от культуры и языка восточных славян, живущих к востоку от Карпат» (Udvari 17).

В упомянутых двух поселениях, однако, члены не всех поколений владеют (хорошо) родным языком. Люди среднего и старшего возраста бегло говорят по-русински. Это относится и к тем лицам, которые родились в этих селах, но попадали в другие местности и города страны. Молодое поколение, особенно дети дошкольного и школьного возраста, за редкими исключениями, уже не говорят, даже не понимают по-русински. Это объясняется тем, что во многих семьях средством общения между членами семьи является венгерский язык. В селах Комлошка и Мучонь среднее и старшее поколение двуязычны: кроме русинского хорошо владеют и венгерским языком. Члены старшего поколения в селе Комлошка, как например, супруги, братья и сёстры, родственники, местные знакомые общаются на родном языке. Для русин Комлош-

ки и Мучоня русинская речь обозначает и душевную привязанность: если неместный посетитель обращается к ним по-русински и так продолжается разговор, они радуются.

Начиная с шестидесятых годов число жителей Комлошки значительно сократилось. Это объясняется, между прочим, тем, что неблагоприятные природные и экономические условия уже не могли обеспечивать средства существования для численно нарастающего населения, вследствие чего, особенно молодые люди, покидали родное село с целью искать рабочие места, получать высшее школьное образование, заключать браки и т. д. и переезжали в иные поселения, как: Толчва, Оласлиска, Вамошуйфалу и, особенно, в Будапешт (Tamás 133–134). Следует, однако, отметить, что Комлошка, расположенная в гористой области, никогда не могла полностью содержать своих жителей. Поэтому они регулярно уходили на сельскохозяйственные и лесные работы в близкие местности или отдаленные края. Девушки же часто были принуждены работать как служанки у зажиточных семей в близких селах. С экономической точки зрения Мучонь всегда находился в более благоприятном положении. Поэтому уход его жителей из родного края не принимал больших размеров.

Кроме Комлошки и Мучоня на территории северовосточной Венгрии имеются еще поселения, в которых старшее поколение еще говорит на русинском варианте восточнославянского языка. В этих селах в прошлом жило большое число русин, но в венгерском языковом окружении они омадярились. К числу таких сел относятся: Герембель, Шайопальфальва, Сирма, Шайосегед, Хейокерестур, Абод, Эмёд, Ракаца, Висло, Гадна, Филькохаза, Ирота и т. д. (Жирош 7–10).

В 50-е годы П. Кирай собирал диалектный материал в следующих десяти поселениях с русинским населением: Вегардо, Кань, Альшогоадь, Гадьпати, Саразкек, Абауйсольнок, Гадна, Ирота и Абод. Из упомянутых сел в то время активно употребляли русинский язык только в селе Ракаца. При анализе диалектной речи П. Кирай пришел к выводу, что в этих деревнях употребляли говор «восточно-карпато-угорского типа» (Кирай 1958, 163, 172–173).

2. Язык русин, проживающих на территории Венгрии, — как уже было упомянуто — сложился в результате смешения различных говоров. Поэтому современное языковое состояние можно понять и объяснить только в том случае, если мы раскроем экстралингвистические условия, при которых образовались говоры и проследим, хотя бы схематично, судьбу русинских переселенцев после их ухода из карпатской прародины¹.

¹ Относительно происхождения и истории русин, проживающих на территории современной Венгрии, см., между прочим, следующие работы: BONKÁLÓ 1996; PALÁDI 1973; TAMÁS 1998; UDVARI 1992; Балецкий Э. О языковой принадлежности и заселении села

Число восточнославянского населения и восточнославянских поселений в северо-восточных областях исторической Венгрии, входящих в настоящее время в состав восточной Словакии, в период XV–XVI вв. значительно возросло. Одни села к рубежу XVII–XVIII вв. словакизировались, однако многие из них сохраняли униатское вероисповедание (Paládi 331–334). Можно полагать, что многие словацкие элементы русинских говоров на территории современной Венгрии восходят как раз к эпохе сожительства словаков и русин в северных областях Карпат. Многочисленные крестьяне и пастухи переселялись с северных и особенно южных склонов Карпат в крупные поместья семьи Ракоци, которыми феодалы овладели в начале XVII в. (Paládi 332, Bonkáló 22). Захватнические войны турок на территории Венгрии в XVI–XVII вв., а потом их изгнание приводили к обезлюдению или полному опустошению многочисленных поселений и к значительному сокращению числа венгерского населения. Из-за недостатка рабочей силы, тормозившей восстановление разоренной экономики в областях, расположенных на юге, феодалы, как например, семья Ракоци, переселяли крестьян из своих северных поместий шарийского, земплинского и других комитатов в южные имения (Udvari 323–324).

Однако на уголья помещиков приходили не только русины, но и словаки, что привело с течением времени к этническому смешению и языковой интерференции, взаимодействию. Не удивительно, что в некоторых селах, может быть из-за большего престижа или численного перевеса словаков, русины забывали родной язык и словакизировались, сохраняя униатское вероисповедание.

Опустошению сел способствовала и антигабсбургская война под руководством Франца II Ракоци в 1703–1711 гг., которая была подавлена. Заселение опустошенных земель принимало особенно большие размеры как раз после поражения национального восстания Ракоци. Элек Фенеш (Fényes Elek) в своей работе, вышедшей в 1836–1840 гг., упоминает «украинское» население 54 поселений, из которых 46 находятся в комитатах Боршод, Абауй и Земплин (см. Paládi 341–345, 365). Украинское население упомянутых поселений насчитывало в то время около 35 000–40 000 жителей. Но несмотря на это, русинское население области составляло незначительную часть всего населения упомянутых

Комлошка в Венгрии: *Studia Slavica Hung.* 2 (1956) 345–364; *HARAKSIM L.* K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava 1961; *HODINKA A.* A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk. Budapest 1923; *Марочий П. П.* Русины на Словенську. Историчний перегляд. Пряшов 1994; *POPOVIC S. M.* Még egyszer a ruszinok eredetéről. In: Русинський живот 28. 04. 1993. 2–3; *SASVÁRI L.* Ruszin hagyományok görög katolikuságunk néprajzában. Budapest 1966; *UDVARI I.* Ruszinok. A magyarországi ruszinokról és ukránokról: Partes populorum minores alienigenae. Történelmi és nemzetiségi folyóirat. Szombathely 1996, 2–11; *VERES L.* Borsod megye etnikai arculatának változásai a 18. század első felében. In: Interetnikus kapcsolatok Északkelet-Magyarországon. Az 1984 októberében megrendezett konferencia anyaga. (A Miskolci Herman Ottó Múzeum Néprajzi Kiadványai 15). Miskolc 1984, 27–35.

комитатов. Так, например, из почти 200 000 жителей Боршодского комитата 8000 русинских душ составляли только 4% целого населения (Paládi 345). Согласно переписи населения 1880 г., в комитатах Абауй, Боршод, Сабольч, Сатмар признавали себя русинами только 3585 лиц (Paládi 350). Эта цифра при переписи 1900 г. сократилась на 600–700 (Paládi 351). Данные переписи 1900 г., однако, вызывают сомнение, ибо число русин, по всей вероятности, было значительно больше. С другой стороны можно установить, что процесс отмирания языка русин во второй половине XIX в. ускорился и продолжался и в XX в.

3. В настоящее время родной язык русин еще держится в Комлошке и Мучоне, где русины живут в компактной массе. Сохранению русинской речи в селе Комлошка до шестидесятых годов благоприятствовала и его географическая и экономическая изоляция. В деревушке, приютившейся в земплинских горах, комлошане на протяжении веков сохраняли свои традиции и язык. Число населения достигло наивысшей ступени в 1941 г.: 964 душ. Осенью 1945 г. 182 ученика униатского вероисповедания ходили в местную школу (Tamás 110, 116). Во время словацко-венгерского обмена населения в 1947–1949 гг. 64 семьи переселились в Чехословакию (Tamás 121–131).

Начиная с 60-х годов вследствие модернизации путей сообщения, возможности молодых людей учиться в профессиональных школах и в высших учебных заведениях и стремления найти рабочее место, начался массовый уход жителей в иные края страны. Уроженцы Комлошки, однако, поддерживают связь с родным селом и часто посещают родителей и родственников. В 2000 г. село насчитывало только 396 душ населения и восьмилетнюю школу посещали только 28 учеников. Коренное население деревни убывает из года в год.

В отличие от Комлошки, жизненные условия русин Мучоня в XX в. были намного благоприятнее. Местные угольные шахты (до их закрытия в последнее время) и сельское хозяйство с плодородной почвой обеспечивали селу высший уровень материальной и культурной жизни. К сожалению, русинский говор постепенно выходит из употребления и вымирает и здесь. Жители старшего возраста бегло говорят на языке предков, но супруги в семье часто предпочитают венгерский язык. Взрослые люди младшего возраста понимают родной язык, но употребляют его с ошибками и разговаривают большей частью на венгерском языке. Благодаря возрождению русинского национального самосознания, в последнее время были приняты меры для воспитания детей в духе русинских традиций. Поэтому в школе ввели обучение родному языку, пользуясь учебниками изданными в Воеводине. В 2000–2001 учебном году 39 учеников посещали уроки родного языка. Факультативное обучение детей родному языку началось в 2001 г. и в селе Комлошка.

4. Общеизвестно, что условием сохранения национальности является возможность использования родного языка не только устно, но и на письме. Это осуществляется в периодических изданиях, в издании книг и в школьном обучении молодого поколения. По стилю и по содержанию выходящие в Венгрии по-русински публикации можно группировать следующим образом: статьи, публикуемые на страницах двуязычного русинско-венгерского месячника *Вседержавный Русинский Вісник*, сборники стихотворений, календари, словари, учебные справочники, материалы научных конференций и т. д. Кроме этого издаются книги культурного и церковного содержания и на венгерском языке. К сожалению, большинство русин, проживающих на территории Венгрии, не знает кириллического алфавита, поэтому не читает тексты, написанные по-русински. Исключения представляют лица, которые в послевоенные годы учились русскому языку до конца 80-х годов, пока этот предмет был обязателен в школах. Но из лиц, обучавшихся русскому языку, только некоторые представители интеллигенции разбираются еще в текстах, напечатанных кириллическим алфавитом. Тексты, печатающиеся в кругу русин, можно классифицировать и с точки зрения диалектной или языковой принадлежности: закарпатский, пряшевский, лемковско-польский, бачко-сремский, комлошский, мучоньский варианты и русский язык.

Авторы не только русины, — часто видные деятели национального возрождения — но и венгры, или представители европейских и заокеанских наций, которые, исходя из своего мировоззрения или профессионального убеждения, излагают свое мнение относительно разнообразной проблематики русин. После кодификации литературных норм воеводинского, пряшевского, закарпатского и польского вариантов русинской речи, стала актуальной разработка правил правописания и для русин, рожденных и проживающих на территории Венгрии. По таким соображениям мы уже разработали основные правила правописания комлошского варианта. Предстоит только обсудить и одобрить их в кругу специалистов.

Было уже упомянуто, что подавляющее большинство русин, рожденных в Венгрии, говорит на мучоньском или комлошском варианте языка. Ввиду того, что мучоньский говор в основном совпадает с бачко-сремским «русинским» диалектом, для мучоньцев дана возможность использовать на письме воеводинскую кодифицированную форму, конечно без сербизмов, заменяя их мучоньскими словами.

Мучоньский и комлошский говоры различаются коренным образом. Язык Мучоня стоит намного ближе к словацкому, чем к любому из восточнославянских диалектов, хотя униатское вероисповедание и русинское самосознание мучоньцев отличает их от словаков. С точки зрения характерных черт, мучоньский говор представляет собой восточнословацкий диалект, сохраняющий многочисленные реликты вос-

точнославянского происхождения. Это — «диалект словацкого типа, который возник на восточнославянском субстрате» (Udvari 24).

Диалектологическая литература считает говор Мучоня словацким. Й. Штольц считает, что «...nářečie Mucsonya je celkom normálne nářečie východoslovenského typu» (Štolc 304). В Атласе словацких говоров в Венгрии² село Мучонь (населенный пункт ч. 38) включено в список словацких населенных пунктов. Село Шайопальфальва, находящееся в той же области, упоминается тоже как словацкое. В отличие от Мучоня, язык жителей Комлошки по происхождению представляет собой русинский говор с словацкими элементами.

Говор села Мучонь

5. Ниже мы перечислим несколько словацких особенностей, свойственных говору села Мучонь. Диалектные примеры мы приводим по фонетической транскрипции Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА 1965, 9–19). Отклонения от этой системы и дополнительные знаки немногочисленны.

1. Гласный *e* на месте праславянского *ě: *бешеда, мешачок, обед, хл'еб* и т. д. Русинское происхождение говора проявляется в словах, в которых на месте *ě произносится *i*: *біле, віра, вітер, грішне, гвізда, л'іве, пісок, ш'н'іг, хл'іб, хрін* и т. д. (Относительно перехода *ě > *i* см. Панькевич 39–43, 403; Геровский 10; Hanudel'ová 180.) Следует отметить, что произношение *i* встречается и в словацких говорах шарішского и земплинского комитатов (ASJ I, например, лингвогеографическое распространение форм: *гнів, обід*), что можно объяснить русинским воздействием. Поразительно, что на территории северо-восточной Венгрии формы *обід, ш'іх, біле, хл'іб, мл'іко* и т. д. встречаются и в селах Харомхута, Надьхута, Рудабанячка (ASN, карты 29, 30, 32, 33, 34), население которых считают словацким. Объяснение причины данного явления требует отдельного исследования.

2. Сохранение гласных *o* и *e* в новозакрытых слогах: *гной, конь, нос, плот, рок, стол; попел* и т. д. Приведенные слова в Комлошке произносятся по русинскому образцу: *гній, кін', ніс, мід* и т. д. На месте гласных *o, e* в русинских говорах карпатской области выступают различные рефлексy (Панькевич 51–53, 403; Латта 133, 139–141, 143; Hanudel'ová, 180).

3. Совпадение праславянских гласных *у и *i в гласном *i*: *вігнац, відлі, язк, мідло, міша, ріба; ігла, робіц, ш'він'а*. Праславянские *у и *i в русинских говорах, вообще, имеют иные рефлексy.

4. Произношение мягких *ш'* и *ж'* на месте смягченных *с', з'* в позиции перед гласными переднего ряда или перед гласными исконно переднего ряда (между согласными *ш', ж'* и гласным переднего ряда может стоять другой согласный звук, например, *ш'він'а*): *ж'ел'ене, ж'ець* 'зять',

² Atlas slovenských nářečí v Maďarsku. Red. Péter Király. Budapest 1993.

ж'іма, дзеш'ец, меш'ачок, н'еш'еме, н'еш'ка, ош'ем, суш'ед, ш'едзем, ш'ерцо, ш'ено, ш'естра; веж'ме!, ш'вет, ш'він'а, ш'віціц, ш'л'ене, ш'н'іг.

5. дз и ц на месте мягких д', т': дзеці, мац, медвец, млаціц, н'едзел'а, оцец, пейц, ходзіц.

6. Сочетания ра, ла, ре, ле на месте праславянских *tort, *tolt, *tert, *telt выступают последовательно в говоре: бразда, врабей, врана, драга, прах, праи'е, блато, власі, глава, гладне, глас, класок, младе, млаціц, слатке, брег, древо, стреда, млеко, млец.

7. Сочетания согласных дл, тл: гардло, жадло, крідло, метла, садло.

Говор села Комлошка

6. Система гласных состоит из следующих фонем: *i, e, u, y, o, a*, например, камін', месо, зима, рука, молоко, жена. Гласный *u* передне-среднего ряда и средне-верхнего подъема восходит к праславянским *y и *i, например, *y: корито, миша, риба, син; *i: бити, вино, зима, липа, писати. По звуковой окраске *u* стоит ближе всего к *e*, но, конечно, не совпадает с ним. Фонологическую оппозицию гласных фонем *u, e, i* можно проиллюстрировать минимальными парами, как: дика (например, дика свин'а) — дека (единица веса), купила (прош. вр. от купити) — купела 'бан'а', писок 'рот' — пісок 'песок', пити — піти и т. д. Из системы гласных фонем гласный *y* верхнего подъема и среднего или средне-заднего ряда, встречающийся во многих русинских говорах, отсутствует.

В систему согласных входят фонемы: б, в, г, т, д, д', ж, з, й, к, л, м, н, н', п, р, с, т, т', ф, х, ц, дз, ч, дж, ш. Мягкость согласных т', д', н' можно иллюстрировать примерами: гн'іздо, дожд'і, камін', квіт'а, локот' и т. д.

При определении происхождения говора и его места среди славянских языков и диалектов необходимо исходить из праславянских форм. Поэтому мы приведём рефлексы некоторых праславянских гласных, согласных и звуковых сочетаний. Знаки > или < означают, что между изначальной праславянской и современной русинской формами часто были переходные ступени исторического развития.

*o > *i* в новозакрытых слогах: кін', рік, сі:/сі (< *solb), стіл;

*e > *i* в новозакрытых слогах: йід (< *ledъ), н'іс (прош. вр. от нести), попіл;

*y > *u*: високе, мидло, риба, син, хижа;

*i > *u*: вили, вино, жити, зима, писати, шити;

*ě > *i*: біле, вітер, д'ідо, д'ітина, джвізда, йі:c (< *lěsъ), йіто (< *lěto), місце, оріх, пісок, т'іло, шіно, хі:б (< *xlěbъ);

*ę > *a*: вжати, дешат', йазик, кйачати, пйат', трйасти;

*o > *y*: голуб, дуб, дуга, кукой, рука, сушід, угйа, уске;

*tort, *tolt, *tert, *telt >oro, оло, ере: борода, воробей, корова, береза, берег, веретено, перен':е, середа, болото, волоси, голова, долон', молоде,

солотке, молотити. Исключения словацкого происхождения представляют собой слова с результатом метатезы *ра, ла, ре*: *драга, пра-ша, злато, древо*.

*dl > л: *вили, гарло, жало, крило, сало, шило*. Словацким воздействием объясняется сохранение сочетания *дл* в словах: *бийадло, джверадло, йідло, мидло*;

произношение согласного *й* на месте мягкого или смягченного *l'* в случаях: *юде* (*ludʲje); в конце слов: *сій* (*solʲ), *ковай, кукой*; в позиции перед *j*: *нед'їя* (*nedělja); перед гласными переднего ряда: *їід* (*ledʲ), *її:с* (*lěsʲ), *зейизо* (*zelězo), *којино* (*kolěno), *їагнути си* (*lęgnɔti se);

**gv'*, **kv'* > джв, кв: *джвізда, квіт'а*;

*tj, **gt'*, **kt'* > ч: *плачу (платити), мачоха, швічка, мочі, печі, ніч*;

*dj > дж/д': *меджа/мед'а, саджа, ходжу/ход'у*;

отсутствие эпентетического *l*: *земїа, їубїу, грабїї, конопїї*.

В дальнейшем мы схематично представим еще некоторые особенности говора села Комлошка. Детальный анализ всех уровней языка и их тщательное сопоставление с украинскими, словацкими и переходными диалектами войдет в состав другой нашей работы. Фонетические, морфологические и лексические особенности:

ударение на предпоследнем слоге;

частица *лем*;

двугубной *ў* на месте *в* и *л* в конце слога: *праўда, церкоў*: *доўге, поўне*;

н': долгий на месте сочетания *дн'*: *серен':е, стун':а*;

склонение существительных, обозначающих лиц мужского пола типа:

син, синові, синове;

чередование звуков *с/ш, з/ж, л/й* в дат.-местн. п. существительных типа:

її:с 'лес' – *її:ші*, *колесо* – *колеші*, *месо* – *меші*, *ніс* – *ноші*, *береза* – *бережі*, *віз* – *вожі*, *стіл* – *стойі*, *поле* – *на поїї/на поїу*, *чело* – *на чейї/на челу*;

склонение существительного *мати*: *матери, мат'їр, мат'їрїом*;

склонение существительного *поле*: ед. ч.: *поїа, поїу, поїом*, мн. ч.: *поїи, поїох, поїам/поїом, поїами*;

спряжение глаголов типа: *вести, веду, ведеш, ведут*; *вжати/возмути (!)*, *возму, возмеш, возмут*; *робити, робїу, робїши, робят*; *платити, плачу, платиши, плат'ат*; *ходити, ходжу/ход'у, ходиши, ход'ат*; *запалити, запайу, запалиши, запайат*; *носити, ношу, носиши, ношат*; *чітати, чітам, чіташи, чітаїут*; *бешидувати, бешидуїу, бешидуїеш, бешидуїут*; *хт'їти, хцу, хцеш, хт'ат*; *їїсти, їїм, їїши, їїст, їїме, їїсте, їїд'ат*; *дати, дам, даши,, даст, даме, дате, дадут*; *повісти, повім, повіши, повіст, повіме, повісте, повід'ат*; *бути, їем, їес, їе, зме, сте, сут*;

будущее время: *буду робил/буду робити* и т. д.

формы прошедшего времени: *їа їем робил, робил їем, добрі-м спал*;

вэлал, де-м ша народил; бости, бол бола; вести, віл, вела; гмерти, гмер, гмерла; нести, н'іс, несла; прїасти, прїал, прїала; влечі, вїїк, влекла; мочі, міг, могла; печі, пік, некла; вит'агнути, вит'агнул, вит'агла; условное наклонение настоящего времени: *Йа би пришла гу тобі, кед би-м мала кеди. Пришла-м би гу тобі, кед би-м мала часу*; условное наклонение прошедшего времени: *Йа бул робил, кед бул йем міг. Шчера бул йем прииол, кеби було часу.*

употребление предлогов *під/під* и *за* с двумя морфологическими значениями (общая форма на вопросы *откуда?* и *куда?*): *вит'агнул йем салку* («занозу») *під пазора; захпал йем під секрен'; вишла за шїфона; положил за секрен';*

Смешением разнородных говоров объясняются многочисленные фонетические, морфологические и лексические дублиеты, как: *земн'а/земйа, памн'атати/памйатати; або/лебо; йедно/йенно, виджу/вид'у, ходжу/ход'у; буду робити/буду робил и т. д.*

Фонетическая тенденция перехода *o > i* в новозакрытых слогах действует и в венгерских лексических заимствованиях, например, *Бодріт* (< венг. *Bodrog*, название реки в северо-восточной Венгрии) — *Бодрогу, занір* (< венг. *zápor*) ‘ливень’ — *занору* и т. д. Следует, однако, добавить, что данная законность уже не действует последовательно, ибо произношение с *o* может обобщаться во всех падежах склонения, вследствие чего встречаются такие дублиеты, как: *юбість/юбость, захід/заход* и т. д. Подобные явления обобщения одной из двух форм часто заметны на всех уровнях языковой системы.

Процесс унификации древних типов склонения существительных в дат. мн. еще не был завершен, что отражается в употреблении параллельных флексий *ам/ом/им*, например, *синим/-ом, оріхом/-ам/-им, сестрам/-ом/-им, пращатам/-им* и т. д.

В именительном падеже ед. ч. прилагательных и местоимений мужского рода встречаются все три ступени сокращения окончания: *ій > i: > i*, например, *старій/стари:/стари, мій/мі:/мі, свій/сві:/сві, котрій/котри:/котри*. Произношение долгого *i:* свидетельствует о том, что в этой позиции когда-то выступало сочетание *ій*. В обиходной речи постепенно обобщается краткий *i*. Из-за отсутствия долгих гласных в фонетико-фонологической системе говора долгий *i:* не «жизнеспособен».

Переход *ій > i: > i* имеет место и в существительном *сій* (< **solb*), которое в родительном падеж имеет форму *соли*. Параллельно с сокращением *ій > i: > i* происходит подобный процесс в сочетании *уї* (графически *ув*) > *у:* > *у* в словах типа *шуїні* (графически *шувні*) > *шу:ні > шуні*. Во всех вышеприведенных примерах проявляется тенденция «монофтонгизации» конечных звуковых сочетаний *ій, уї*.

Было упомянуто, что «индивидуальной» фонетической особенностью говора села Комлошка можно считать произношение согласного *й* на месте исторических **l'* (< **l'*, **l* + гласный переднего ряда), **lj*, по

всей вероятности, и под влиянием венгерской языковой среды, ибо в местных венгерских говорах (и в литературном языке) на месте исторического *l'* (графически *ly*) произносится *j*: *jánu* 'девушка', *kiráj* 'король' (Király 2001, 104), например, *бій, ковай, край* (< *korľь), *кукой, сій, бобайка, йа запайу, вони запайут* (от *запалити*), *зейізо, йіве, йі:с, йіто, йуде, йа мейу, вони мейут* (от *молоти*), *нед'йа, пойа* (род. ед. от *поле*), *угйа, хвийя, хйі:б, шйіне*.

Другая отличительная особенность говора — произношение гласного *a* с билабиальной окраской, например, *камінь, миша* и т. д. Степень двугубного нюанса меняется в зависимости от говорящего и от фонетической позиции. В подударном сочетании *йа* гласный *a* произносится и без округления губ, например, *йар, йарок, йама*.

С точки зрения языкового и диалектного происхождения особенности говора села Комлошка можно классифицировать так: восточнославянские, т. е. карпато-русинские («юго-западноукраинские») особенности, преобладающие в говоре, западнославянские, т. е. (восточно-)словацкие черты и, наконец, «индивидуальные» признаки, не встречающиеся ни в одном из упомянутых языков и диалектов. Следует отметить, что комлошскому говору свойственна как раз комбинация в одной языковой системе элементов различного происхождения. Вследствие этого говор можно оценивать как специфическую «автономную» языковую формацию, которая возникла в иноязычном окружении, в полной географической и исторической изоляции от всех других славянских языков и диалектов.

На этом месте мы не намереваемся определить точную пропорцию карпато-русинских, словацких и «индивидуальных» элементов говорной системы села. Мы предпочитаем употреблять термины *говор/язык русинского населения, русинский говор* и т. д., подчеркивая этим его специфический, обособленный характер. Исчерпывающий анализ происхождения составных элементов языковой системы войдет в проблематику другой нашей работы.

7. При исследовании и описании русинских говоров на территории Венгрии мы преследуем и актуальную, практическую цель: нашими скромными средствами способствовать предотвращению вымирания родного языка русинского населения.

В предотвращении языковой ассимиляции русин, в пробуждении и усилении их национального сознания, в распространении русинской культуры и в обучении детей родному языку — независимо от того, называют ли этот язык украинским, или русинским — исключительно важную роль играет употребление нормированной письменности, соответствующей родному языку комлошских русин. На таком языке они могли бы (глубже) узнать свою историю, свои традиции, родство с зарубежными братьями, могли бы читать русинские литературные произведения и периодические издания. Но, ставится вопрос, какой

язык или диалект выбрать для такой цели? Национальные меньшинства, живущие в Венгрии, как словаки, поляки, хорваты, сербы, немцы, румыны и т. д., преодолевая государственные границы, уже давно органически связаны с письменной культурой зарубежной нации, к которой они генетически относятся. Такой процесс проходит и в обратном направлении: венгры зарубежных (соседних или более далеких) стран пользуются культурными ценностями «матери-родины». Для комлошских русин, однако, такого традиционного «отечества», которое могло бы поддерживать их богатой духовной и письменной культурой, пока не существует. Сами русины, проживающие в смежных государствах карпатского ареала, стараются объединить свои силы для осуществления общих своих целей. Осуществление плана создания общего интеррегионального русинского языка, однако, еще дело будущего.

По сравнению с селом Комлошка жители Мучоня находятся в благоприятном положении: благодаря их языковой и генетической общности с воеводинскими братьями, они могут пользоваться бачко-сремским кодифицированным литературным языком. Однако, язык Мучоня и Комлошки коренным образом различаются.

При таких условиях какие критерии следует учитывать при выборе письменного языка для уроженцев Комлошки? Некоторые из критериев: 1) доступность, понятность выбранного варианта, который стоит близко к сердцу говорящих и на котором они могли бы свободно общаться устно и на письме; 2) наличие представителей образованной интеллигенции, владеющих этим языком и знающих заботы и проблемы этого национального меньшинства. Какие письменные варианты можно принимать в расчеты? Время торопит нас, потому что ассимиляция продвигается вперед в быстром темпе. Среди теоретически возможных вариантов украинский литературный язык, практически, из-за географической, культурной и исторической оторванности кажется негодным для венгерских русин. Подкарпатский вариант? На Подкарпатье был уже кодифицирован проект нормированного литературного языка³. Следует, однако, признать, что как подкарпатский, так и пряшивский вариант земплинского типа, кодифицированный в Словакии, несмотря на сравнительную языковую близость, чужды венгерским русинам. Но прежде всего: можно было бы найти такого учителя, который мог бы обучать комлошских детей украинскому, подкарпатскому или пряшивскому «языку»? Кажется, нет. А за это время сама жизнь решает поставленный вопрос: квалифицированная учительница, уроженка Комлошки уже обучает детей села их родному языку. При этом, однако, необходимо обратить внимание на то, что для этой цели следует принять нормированную письменную форму данного языкового варианта.

Взвешивая практические возможности при выборе письменного

³ М. Алмаши, И. Керча, В. Молнар, С. Попович. Материнський язык писемниця русинського языка. Коминфо Консалтинг, 1999.

языка для венгерских русин, единственный вариант, который может входить в расчет, это — письменный, нормированный вариант на основе самого комлошского говора. Из таких соображений мы уже сформулировали важнейшие правила правописания, касающиеся графики, фонетики и морфологической системы комлошского говора. Не по нашей инициативе, а по просьбе компетентных лиц!

Идея создания собственного письменного языка разных русинских регионов была конкретно сформулирована руководством международного движения русин: «В резолюції семінара ёго участници рекомєндують формувати русинський язык на основі говорєних варіантів тих регіонів, де жыють Русины, спочатку окреме про каждый з них, а поступно вытваряти інтеррегіональний літературний русинський язык» (Правила, 3).

8. Подытоживая результаты изысканий, перед исследователем невольно встает вопрос, как оценивать современный статус изученного говора, принимая во внимание как его происхождение, так и существенные наслоения последующих веков, что привело к образованию смешанного говора. При этом не следует забывать, что сама прародина русинских переселенцев с языковой точки зрения не была единой. Территория северо-восточной Словакии характеризуется и в настоящее время западно- и восточнославянскими пересекающимися диалектными изоглоссами. Карпатский регион, «где был стык словацких, чешских, польских, западноукраинских диалектов с венгерскими и румынскими», дает возможность для изучения «старых языковых отношений в этом районе» (ОЛА 1978, 30). Работа над Общеславянским лингвистическим атласом красноречиво доказывает сложность процессов формирования и постоянного изменения славянских диалектов. Констатации общего характера относятся и к истории «малых» языков, диалектов: «...отдельные части славянского населения, оказавшиеся в разных, географически удаленных друг от друга районах, в разных исторических условиях, живя там обособленной жизнью, поддерживая с иноязычными соседями экономические, политические и культурные связи, естественно, развиваются в разных направлениях и после неоднократной перегруппировки их языковых отношений с течением времени образуют современные славянские языки и диалекты» (ОЛА 1978, 31).

При описании современного состояния говоров речь русинских жителей Мучоня и Комлошки необходимо оценивать отдельно и по разному. Язык русин Мучоня — язык восточнословацкого типа (см. уже упомянутый взгляд Й. Штольца) и является результатом постепенной словакизации русинского говора. О его русинском происхождении свидетельствуют, кроме одних языковых особенностей, и униатское вероисповедание жителей. Констатация относительно воеводинского русинского языка отчасти относится и к родному языку

мучоньских русин: «Язык русин Югославии сформировался на базе переселенческого говора, происходящего со смешанной закарпатско-украинско-восточнословацкой диалектной территории» (Дуличенко 111).

Выводы. Говор села Комлошка генетически восходит к периферийному карпато-русинскому диалектному ареалу. Однако из-за многовекового обособленного развития в словацком и, позднее, в венгерском языковом окружении, говор выработал специфическую «автономную» систему, отличающую его от всех родственных диалектов. Поэтому данную языковую формацию можно воспринимать и как «микроязык» (Дуличенко), функционирующий уже и в письменно-литературной форме.

Цитированная литература

- Геровский – Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. Перевод с чешского. Москва 1995.
 Дуличенко – Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин 1981.
 Жирош – Жирош М. Жива горніца I. (Демографийно-етнографійни драгопис). Ніредьгаза 1995.
 Кирай – Кирай П. О переходном восточнословацко-карпато-угорском диалекте в Венгрии. Академия наук СССР. Советский комитет славистов. IV Международный съезд славистов. Сборник статей, III. Москва 1958, 163–173.
 Латта – Латта В. П. К вопросу икавизма в украинских говорах Восточной Словакии. В сб. Наукові записки. 8–9, Пряшів 1979–1981, 131–143.
 ОЛА 1965 – Международный комитет славистов. Комиссия Общеславянского лингвистического атласа. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. Глав. ред. Р. И. Аванесов. Москва 1965.
 ОЛА 1978 – Международный комитет славистов. Комиссия Общеславянского лингвистического атласа. Академия наук СССР. Институт русского языка: Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. Глав. ред. Р. И. Аванесов. Москва 1978.
 Панькевич – Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Прага 1938.
 Правила – Правила русинського правопису. Ред. В. Ябур, Ю. Панько. Пряшів 1994.
 ASJ – Atlas slovenského jazyka, I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá, mapy. Red. J. ŠTOLC. Bratislava 1968.
 ASN – FÜGEDI E., GREGOR F., KIRÁLY P. Atlas slovenských nářečí v Maďarsku. Red. P. Király. Budapest 1993.
 Bonkáló – BONKÁLÓ S. A rutének (A ruszinok). Sajtó alá rendezte, jegyzetekkel ellátta és az Utószót írta: SALGA Attila. Budapest 1996.
 Hanudel'ová – HANUDEL'OVÁ Z. Územné členenie ukrajinských nářečí východného Slovenska: Slavica Slovaca 28 (1993) č. 1–2.
 Király – KIRÁLY P. A nyelvkeveredés. A magyarországi szláv nyelvjárások tanulságai. Nyíregyháza 2001.
 Paládi – PALÁDI-KOVÁCS A. Ukrán szórványok a 18.–19. században a mai Magyarország északkeleti részén. In: Népi Kultúra – Népi Társadalom VII. Budapest 1973, 327–367.
 Štolc – ŠTOLC J. Nářečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava 1949.
 Tamás – TAMÁS E. Komlóska. Komlóska 1988.
 Udvari – UDVARI I. Ruszinok a XVIII. században. Történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok. Nyíregyháza 1992.